

Нана Блик

Skleněný
mústek
2016

НАУМ

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Содержание

ПРОЛОГ

Глава 1

ЖЕЛАНИЕ

Глава 2

ДВЕРЬ ПЕРВАЯ – «СЕКUNDA»

Глава 3

ДВЕРЬ ВТОРАЯ – «ТОЧНЫЙ УДАР»

Глава 4

ДВЕРЬ ТРЕТЬЯ – «ЗАКОН ПОДЛОСТИ»

Глава 5

ДВЕРЬ ЧЕТВЁРТАЯ – «ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙЧИК»

Глава 6

ТЁМНЫЕ ЗАКОУЛКИ

Глава 7

ДВЕРЬ ПЯТАЯ – «ПО ТУ СТОРОНУ ОТ МЕЧТЫ»

Глава 8

ДВЕРЬ ШЕСТАЯ – «ОДИНОКИЙ ВОИН»

Глава 9

ДВЕРЬ СЕДЬМАЯ – «МЕДСЕСТРА НАДЕЖДА»

Глава 10

ДВЕРЬ ВОСЬМАЯ – «АНГЕЛ БЕЗ НИМБА»

Глава 11

ОСТРОВКИ ПАМЯТИ

Глава 12
ДВЕРЬ ДЕВЯТАЯ – «ПРИЗРАЧНОЕ СЧАСТЬЕ»

Глава 13
ДВЕРЬ ДЕСЯТАЯ – «КУСОЧКИ ЦЕЛОГО»

Глава 14
ДВЕРЬ ОДИННАДЦАТАЯ – «ЧУЖАЯ ДУША»

Глава 15
ДВЕРЬ ДВЕНАДЦАТАЯ – «ПУСТАЯ ЗАБАВА»

Глава 16
ТАЙНЫЕ МЫСЛИ

Глава 17
ДВЕРЬ ТРИНАДЦАТАЯ – «И ВСЕЙ ЖИЗНИ НЕ ХВАТИТ»

Глава 18
ОСКОЛКИ РЕАЛЬНОСТИ

ЭПИЛОГ

© Нана Блик 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-104-4

ПРОЛОГ

Как жаль, что плата за ошибки твоей
грешной жизни будет взиматься не с тебя.
Знал бы заранее – многого бы не делал!

Лириан Саммерс

Как заставить кого-то ценить и уважать чужую, да ещё и человеческую жизнь? Как доказать, что чьё-то пускай и не очень успешное или удачное существование кому-то да всё-таки нужно? Никто и никогда не сможет прочувствовать по-настоящему чужую радость или боль, пока не окажется на его месте или, лучше сказать, не примерит на себя его «шкуру». Собственные достоинства и недостатки окончательно сойдут на нет, когда твоя душа будет бежать по коридорам чужой судьбы, спотыкаясь о выступающие пороги и натываясь на непонятно кем воздвигнутые бетонные стены. Это ни столько больно и неприятно, сколько обидно. Обидно осознавать, что твои, как ты сама себя всегда убеждала, глобальные проблемы, беды и радости ничто по сравнению с этими, на первый взгляд обычными, мучения человека. И понимание всего этого придёт тогда, когда почти уже иссякнут силы твоей, казалось бы, бессмертной души. И тот последний шанс, который позволит тебе осознать это, будет, возможно, единственным в твоей жизни, но по-другому нельзя. Бесчувственный монстр может стать человеком, но только тогда, когда в его теле вспыхнет искра живого добра. В моём теле вспыхнула, но только с большим опозданием. Кто бы мог подумать, что число возможных попыток для меня будет величиной слишком малой и несоразмерной с моим

мнимым величием. В одиннадцатой из возможных тринадцати попыток она всё-таки загорелась, но только этого оказалось для меня недостаточно, и моё тело в отсутствии безликой, но всё же души окончательно стало чужим, полностью отдаваясь порокам сидящего внутри монстра, чья кровь с рождения текла по моим венам, а поначалу всё казалось мне не таким уж плохим, особенно этим погожим июньским деньком.

Глава 1

ЖЕЛАНИЕ

Когда душа твоя чиста,
Откроются тебе места,
Но, слишком много очищая,
Ты будешь жить, изнемогая.

Лириан Саммерс

Первая неделя славного летнего месяца, на удивление, выдалась жаркой. Температура за тридцать и дождь всего пару раз за неделю, несомненно, не могут не радовать. Жара всегда была у нашей семьи в почёте, особенно это касается меня, мамы и дедушки, которого, кстати, за семнадцать лет своей жизни я ни разу не видела. Сегодня вечером мой выпускной. Лёгкое воздушное шифоновое платье длиной чуть выше колена выполнено в греческом стиле. Материя цвета умеренной по силе морской волны, освещённой последними лучами уходящего солнца, придаёт этому вечеру налёт романтической грусти. Жаль, что не это настроение придётся брать с собою на праздник. Всё, что мне сейчас нужно, так это заветная корона королевы выпускного школьного бала, и я сделаю всё лишь бы увенчать свою голову ею.

До школы я добираюсь сама. Подаренный мамой огненно-красный «Форд Мустанг» ещё довольно резво летает по улицам, потому что дядя Эрик буквально не вылезает из-под капота этой жгучей лошадки. С учётом своеобразной специфики нашего семейства подруг у меня нет и быть, наверное, не должно, впрочем, это касается и моего парня тоже. Да, честно сказать, он мне не особо и нужен.

Захожу в здание своей школы, позируя фотографу у самого входа. Свет от диодных огней и неоновых ламп моментально отражается от моих кудрявых рыжих волос, спадающих на хрупкие белые плечи, а глаза цвета нефрит наполняются блеском нескончаемого подросткового веселья.

Весь вечер я танцую и общаюсь со всеми так, что ни у кого даже и в мыслях не возникает ощущения того, насколько я одинока.

Наконец музыка прекращается, и взволнованный от паров алкоголя и природной стеснительности директор решается произнести речь, в кульминации которой он и объявит всем короля и королеву этого бала. Стою, пропуская мимо ушей его лестные речи и напутственные лозунги и призывы, и просто прокручиваю в своей голове возможную речь после вручения мне долгожданной короны.

– Королём этого бала мы провозглашаем Томаса Льюиса! – директор чрезмерно улыбается, словно это и его огромная заслуга и радость.

Я, кстати, ничуть и не сомневалась в том, что толпа изберёт себе такого кумира. Красив, хорошо сложен и глуп – чего ещё можно ждать от представителей кукольной молодёжи!

– Честью носить корону и титул королевы нашего вечера удостоена, – произносит директор, а я останавливаю бег своих мыслей, чтобы как можно чётче услышать своё имя, произнесённое из этого слегка подпившего рта, который, остановившись всего на секунду, резко выпаливает, – несравненная Люси Джонсон.

Мой мир сотрясается, вся скопившаяся злоба разом всасывается в мои кровеносные сосуды и растекается по всему телу.

Пристально слежу за блондинкой, вбегающей резво на сцену, и осознаю, что ненавижу её всем своим страшным нутром, и в момент, когда её худосочные пальчики касаются моей заветной мечты, я просто закрываю глаза с невероятным желанием, чтобы эта особа никогда не смогла водрузить себе эту корону.

И она падает, причём замертво. Ещё секундой ранее молодой растущий и пышущий радостью организм моментально превращается в безжизненное не имеющего ни единого шанса на спасение тело. По залу расходятся крики и лёгкая паника, достигающие в скором времени небывалого уровня шума, сквозь который я отчётливо слышу пронизывающий мою душу мамин ужасающий вопль: «Наоми, как ты могла? Неужели все твои желания, страдания и усилия были напрасны, и годами скрываемый монстр всё-таки сможет вырваться из тебя на свободу?». И тут-то мой тумблер срабатывает на отключение, и я теряю сознание.

Темнота. Меня окружает сплошная непроглядная тьма. В лёгкой панике, пытаясь понять, где же я всё-таки нахожусь, осторожно ощупываю предметы, расположенные вокруг меня. Дотягиваясь рукой до чего-то мягкого, вмиг наощупь узнаю своего единственного рыжего друга – лисёнка по имени Лаки, подаренного мне на пятилетие моей сумасшедшей семьёй. Вздыхаю от облегчения, что я не где-нибудь, а в собственной комнате своего любимого дома. Притягивая Лаки в свои объятия, я погружаюсь в эмоционально тяжёлый, но относительно крепкий сон с твёрдой решимостью завтра уладить все свои разногласия с мамой.

Утро. Часовая кукушка прочирикала семь раз, оповещая мне точное время. В моей комнате ещё темно. Первые прямые лучи летнего солнца коснутся стекла моей спальни лишь после

полудня, так как окна комнаты, расположенной в одной из боковых башен нашего готического особняка, выходят на запад, демонстрируя во всей красе мне величественный и живописный закат. Никогда не понимала и не поддерживала своего отца в том, как он может так любоваться рассветом. Что такого животрепещущего папа находит в окрашивании блёклым изнеженным светом погружённых во тьму домов и деревьев? То ли дело закат. Всё окрашивается в золотистые сиренево-красные тени, излучая благородство и стать. Огромная сила, поначалу заставляющая любые предметы сиять, моментально погружает всё в темноту, оставляя в воздухе дымку таинственности и недосказанности, перед которой все равны – все без исключения стоят перед ней на коленях.

Лежу, обнимая Лаки, и осматриваю комнату на предмет изменений, но всё здесь в точности, как и было до выпускного, только теперь моё лёгкое шифоновое платье висит не в шкафу на передней вешалке, а сложено на спинке стула у будуарного столика. На мне надета моя любимая пижама с ушками кролика на капюшоне и большой морковью, торчащей из нагрудного подобного сумки кенгуру кармана. Раз я ничего больше не помню, кроме ужасного маминого крика, значит, мне довольно сильно досталось, но даже несмотря на всё это, я переодета и благополучно лежу в своей удобной постели. Мама всегда была мягкотелой. Конечно, в сравнении с другими она тот ещё монстр, но вот в отношении меня она явно испытывает небывалую слабость. Ах, мама, моя милая мама!

– Гляжу, ты проснулась! – тяжёлый мамин голос вырывает меня из раздумий.

– Как видишь! – произношу я слишком нагло и самоуве-

ренно, давая ей чётко понять, что чёрта с два я признаю себя виноватой.

– Наоми, прекрати! Ты хоть раз можешь мне не перечить! – закричала мама, что в принципе было для меня неожиданно, так как прежде она всегда была со мной более сдержанна.

– Мама прости, просто я защищаюсь, – произнесла я уверенно, не испытывая абсолютно никакой вины за собою.

– Защищаешься? Наоми, детка, что ты несёшь? От кого ты сейчас защищаешься? Тебе никто и никогда не то, что не угрожал, а даже и не пытался этого сделать, – мамин голос постепенно переходил на шёпот. Она села ко мне на кровать, склонив голову и зажав её крепко руками. – За что ты убила эту юную девушку?

– С чего ты взяла, что это была я? – я всё ещё пыталась отнекиваться.

– Прекрати, последний раз говорю! – Я закрыла уши руками, потому что крик был просто невыносим.

– Ей явно по ошибке вручили принадлежащую мне корону королевы выпускного бала, – произнесла я быстро, нисколько не сомневаясь в своей правоте.

– Ты заставила её сердце остановиться из-за какой-то короны? – мама от ужаса вцепилась когтями в свои бледные землисто-зелёные щёки так сильно, что алая кровь потекла по её длинным рукам, скапывая с локтей мне прямо на одеяло.

– Корона моя! Ей она ни к чему! – огрызнулась я ещё раз.

– Наоми, ты даже не называешь эту девушку по имени. Неужели тебе настолько она безразлична? Ты же вместе с ней проучилась больше десяти лет.

– Мама, это же человек! Всего лишь простой, обычный,

заурядный человек! Что ты так кипятишься по этому поводу, я до сих пор понять не могу! – Я отбросила Лаки на пол и резко встала с кровати. – Ты чересчур переживаешь по этому поводу. Ну, одним человеком больше, одним меньше – какая нам разница!

– Дочь, не всё в жизни так просто. Если ты будешь убивать не тогда, когда нужно, а когда ты сама захотела, то нарушится первоначальный порядок и постепенно наступит хаос как на земле человеческой, так и в твоей, ещё надеюсь, не совсем безнадежной душе. Не превращай сама себя в монстра, у тебя и так не было выбора, поскольку ты им и родилась. Не наполняй оболочку ещё и демоническим содержанием. Поверь, это сделать легко, трудно будет избавиться от этого после.

– А кто тебе сказал, что я захочу избавляться от этого? Мне нравится быть собой! Я не хочу изменяться! – я остановилась напротив мамы, увидев в её глазах нестерпимую боль, и мне впервые от себя стало тошно.

– Наоми, мы все здесь не зря, у всех у нас в этом мире определённая миссия: ты и я живём согласно закону, а люди приходят в этот мир, чтобы исполнить отведённую им свыше роль, которую, конечно, не всегда исполняют, но в этом как раз и изюминка. Пойми, наши жизни однообразны и от этого слишком скучны. Вечное скитание когда-нибудь и у тебя вызовет тошноту, если его не разбавлять красками человеческой жизни: наблюдать, направлять, управлять, а где-то и нагло вмешаться, но не убивать просто из прихоти. В том, что ты сделала, просто нет смысла. Я надеюсь, ты когда-нибудь это поймёшь! – Мама с надеждой смотрела в мои нефритовые глаза, пытаясь найти хотя бы капельку понимания, но в них был лишь гнев и неуправляемая жестокость.

– Человеческая жизнь пуста. Ничего нет в ней такого уж и особенного, как ты тут поёшь. Они все для меня как одно большое пустое место. Однородная безликая масса! Как можно в ней кого-то узреть или выделить? – я абсолютно не понимала свою Мать, я не понимала, как она может восхищаться жизнью людской, не водружая на пьедестал свою собственную.

– Хватит, Наоми, довольно! Я не хочу больше слышать от тебя ничего такого, о чём мы только что с тобой говорили. Ты наказана – будешь сидеть в своей комнате, пока я не пожалею об этом! – Мама встала с кровати, судорожно расправляя свои огромные перепончатые крылья, и, подойдя к распахнутому настежь окну, добавила более мягким учительским голосом, от которого мне стало просто не по себе. – Я бы хотела, чтобы когда-нибудь и ты узнала всю радость и горечь человеческих жизней, испытай на себе эту тонкую грань. Тогда, возможно, ты поймёшь то, о чём я тебе говорила или, по крайней мере, останешься верна своим тёмным желаниям, ну, а пока тебе придётся посидеть взаперти. Это для твоей и для моей пользы! – Мама вылетела из окна, не удосужившись даже выслушать мою ответную реплику.

Я подбежала к окну с желанием выкрикнуть моё мнение хотя бы ей вслед, но смогла лишь истерически захлопнуть распахнутую настежь фрамугу. Как же я ошибалась, считая маму слабохарактерной. Теперь её тёмная кровь стала и для меня слишком густа. Я ударила кулаком по стене, признавая в своей душе первый в отношении мамы проигрыш, и от нависшей надо мной безысходности вернулась обратно в кровать, зарывшись лицом в перьевые подушки.

Пролежав так весь день, не отвлекаясь даже на дневной

приём пищи, я пыталась найти нужный мне выход. Не могу же я вечно плясать под мамину дудку.

Сиреневый буйный закат сочными красками наполнил всю мою комнату, обмакивая стены сначала в золотистые, красно-оранжевые, а затем на исходе дня и в фиолетовые оттенки палитры господина летнего вечера, напоминая мне своими быстро сменяющимися образами детскую игрушку под названием калейдоскоп. Как только все цвета были иссушены, комнату плавно обволокла сумрачная тьма, погружая меня и всю обстановку в ночную безмятежность.

Лёжа уткнувшись лицом в подушку, не особо замечаешь бег времени и смену цветовых играющих красок, поэтому абсолютно неизвестно было о том, сколько бы ещё я так смогла пролежать, если бы не специфический стук в окно моей спальни, который вырвал меня из кроватного плена.

– Дядя Эрик – это ты? – прошептала я уверенно, зная, что лишь ему это сделать по силам, так как дядя Майкл летать не умеет, а мама и папа это делать не будут.

Но ответом мне было лишь немое молчание. Я уж было хотела опять уткнуться в подушку, как стук повторился.

– Это уже не смешно! – произнесла я, устремившись к окну.

Моя единственная связь с этим миром была завешана тонкой полупрозрачной органзой, которую я легко передёрнула в одну из сторон лишь с одной только целью: как можно лучше рассмотреть лицо моего шутника. Я до последней секунды была уверена в том, что это был не кто иной, как мой дядя Эрик. Но, распахнув шторы, я никого не увидела.

– Что за дурацкие шуточки? Если кто-то тут ещё не заме-

тил, то у меня сейчас не особо игривое настроение, так что, мои дорогие родственники, я прошу вас прекратить это делать. – Договорив, я хотела вернуться в кровать, как случайно заметила лёгкое движение под окном.

Подойдя к окну ближе, я нагнулась к стеклу, чтобы лучше рассмотреть источник движения. Неожиданно снизу показалась чья-то незнакомая мне голова. Я отпрыгнула от окна машинально, а фигура с той стороны от стекла продолжала подниматься всё выше, пока не показалась мне в полный рост.

Это был парень! Точнее то, что смотрело на меня сквозь стекло, визуально напоминало мне парня, но в этом я была не слишком уверена. Короткая молодёжная стрижка, светлая футболка и джинсы, а также синяя рубаша, надетая поверх футболки, сложили в моей голове образ привычного для меня тинэйджера. И абсолютно ничего бы не насторожило меня, если бы не волосы, как сосульки, свисающие с головы, потёртая грязная и местами даже порванная одежда, слегка посиневшая кожа и мутные пожелтевшие злые глаза, которые моментально вызвали у меня отвращение и страх, что мне было вовсе не свойственно. Я смотрела на него, не отвлекаясь и не моргая, как вдруг он резко ударил по стеклу своей синей ладонью. Слегка вздрогнув, я по-прежнему не отрывала от него своих пристальных глаз. Неожиданно он прижался своим лбом к стеклу так сильно, что лицо его искривилось, но шок я испытала отнюдь не от этого. Внезапно его голова стала проникать сквозь стеклянное полотно, не нарушая его целостности. От испуга я попыталась бежать, но мои ноги стали как ватные. Кричать я тоже была не в силах. Без движения и без голоса я стояла перед окном по стойке смирно, наблюдая, как незнакомец

без труда проникал в мою спальню. Наконец-то сделав это, он остановился напротив меня и вытянул свою руку, пытаясь дотронуться до моего испуганного лица, которое было так же, как и всё тело, парализовано. Погладив меня по щеке, он прошёл вглубь комнаты и уселся на мою расправленную кровать, и только после этого я смогла говорить и двигаться медленно.

– Кто ты такой? – мямлила я, испытывая ужасный страх, хотя визуально я видела монстров и пострашнее, но что-то было в его образе такое зловещее, что и заставляло меня реагировать подобнейшим образом.

– Называй меня Лорд. Я пришёл, чтобы исполнить желание твоей Матери, хотя она сама и не просила меня сделать это, но в этом-то и заключается вся моя работа. – Он водил своими грязными ручонками по моим шёлковым кремовым простыням, чем вызывал во мне раздражение, перетекающее в невыносимую злость.

– Мама убьёт тебя, если узнает! – смело выпалила я незнакомцу в ответ, точно зная, что Лилиан это вряд ли понравится.

– Вот именно: если узнает. Для тебя пройдёт куча времени, а для неё это будут секунды, а с условием того, что вы накануне поссорились, то она не скоро тебя и спохватится. – Парень облокотился на кровать, опёршись своими испачканными где-то локтями. – Я помогу тебе лучше узнать себя, ну, или уничтожу бесследно. Слова, высказанные твоей Матерью, обладают невероятной силой, поэтому я так быстро и нашёл тебя.

– Какое желание, какие слова? – суетливо вторила я, а потом совершила огромную для своей персоны ошибку, прокричав призывы о помощи, – Мама, папа, дядюшки, помогите! – Но вместо голоса лишь тишина вальяжно разгулялась по комнате.

– Да ты, Наоми, у нас ещё и проблемная! – пронзительно крикнул Лорд, резко вставая с кровати. – Придётся быстрее перенестись в эпицентр кучных событий, но это даже и к лучшему! – Он улыбнулся, чем вверг меня в шок, обнажая свои подгнившие искривлённые зубы. – Быстрее начнём – быстрее закончим!

Он хлопнул в ладоши, и мы оказались посередине огромной тускло освещённой комнаты, в которой абсолютно не было окон, только двери, и их было тринадцать! Огромные дубовые тёмные двери отягощали большую по размерам комнату, уменьшая её в разы.

– Это тринадцать чужих человеческих судеб, сквозь которые ты пройдёшь, чтобы познать тонкую грань между радостью и горечью, как того хочет твоя Матушка, или пройдёшь, чтобы выжить и вернуться назад, как того хочу я, если ты, конечно, не вляпаешься ни в какую историю. В противном случае, ты будешь вечно скитаться по просторам любимого мною Ада, и никто тебе не поможет, потому что это испытание придумано вечным Князем, и отменяться никогда и никем не может. – Я отчётливо понимала, что он бросает мне вызов, а вызовы я всегда принимала с гордо поднятой головой и здесь я не хотела делать никаких исключений.

– Хорошо, как скажешь! Огласи мне все твои правила и можем, в принципе, приступать! – сухо ответила я, явно недооценивая всю ситуацию. Каким же ребёнком на тот момент ещё я была, но тринадцать историй быстро состарят меня, превращая мою детскую душу в маленькую, ослабшую от горя, старушку.

– Правило лишь одно: проживаешь каждую историю, не прибегая к собственной силе и не нарушая естественный ход про-

исходящих вокруг тебя событий! – Лорд наклонил голову направо и слегка пожал своими плечами, словно говоря, что это несложно и, в общем-то, у тебя нет особого выбора.

– И всё! Тогда незачем медлить, давай приступать! – выпалила я без остановки.

Чрезмерно уверенная в себе и в собственных силах я позабыла о том самом главном, что зачастую или, лучше сказать всегда, именно моя Мама помогала мне в исполнении всех моих порывов и желаний, спасая меня от возникающей пропасти. Она как волшебная палочка спасала меня от всех моих бед, укрывая под своим материнским крылом. Жаль, что понимание этого придёт ко мне слишком поздно, и я успею наломать дров, да не пару полешек, а целую небольшую поленницу, и то благодаря тому, что дверей будет всего-то тринадцать. Но пока что к первой своей двери я подошла, на удивление даже самого Лорда, слишком самоуверенно, чем вызвала его бурную реакцию и восторг, но тратить своё внимание на подобные проявления чувств в тот момент я ещё не хотела. Девчонка – что с меня взять!

Глава 2

ДВЕРЬ ПЕРВАЯ – «СЕКУНДА»

Я – тихой нежности комок,
Я – радость тем, кто так берёт,
Но часто я встречаю тех,
В ком пробуждаю злости смех.

Наоми Томпсон-Саммерс

Огромные дубовые тёмно-вишнёвые двери выстроились в ряд слева направо. На первый, ещё неискушённый выбор, взгляд все они были одинаковы, но в каждой двери таилась своя уникальная изюминка, отличающая каждую от последующей. Лишь подойдя ближе к первой двери, я заметила, что огромное безоконное пространство было округлым, а двери располагались на полуокружности, начинаясь и заканчиваясь точкой диаметра. В центре комнаты лежал небольшой по размерам бежевый коврик с чрезмерно пушистым ворсом, который был длиннее обычного. Интересно, зачем подобному помещению такая вот роскошь?

Первая дверь была больше, чем все остальные, а её латунная ручка в виде сердца, треснутого пополам, чуть-чуть меня озадачила, но не остановила. Я прислонилась к двери правой щекой, пытаясь услышать хоть какие-нибудь звуки с той стороны, но лишь тишина была мне попутчицей.

– Ты как-то замедлилась. Неужели в душу к крошке Наоми смогла залезть неуверенность? – Лорд точно знал о том, куда следует надавить, чтобы как можно быстрее получить от меня всё желаемое.

– Не дождёшься, – прошептала я и дёрнула за латунную ручку, распахивая дверь настежь.

Всё междверное пространство было заполнено чёрно-белой рябью, подобной той, какая бывает на телевизионном канале, если отсутствует передача сигнала. Я набрала побольше воздуха в лёгкие и шагнула в монохромную неизвестность. И тут началось такое, к чему я уж точно была не готова.

Сквозь огромный дверной проём прошла лишь душа, а тело бесформенной массой рухнуло в комнату. Лорд взмахом своей несвежего вида руки перенёс его на пушистый палас, а сам сел рядышком медитировать, в ожидании нескорого воссоединения души с моим полностью незащищённым телом.

Делать нечего: так, как вошла, я отсюда не выйду – значит, буду осматриваться в поисках нужного выхода. И я, отвернувшись от двери, пошагала вглубь незнакомого мне пространства с ничтожной надеждой на скорое возвращение.

Пространство вокруг меня было красным и обильно увлажнённым какой-то вязкой по консистенции жидкостью. Брезгливо не касаясь стен, я прошла в помещение треугольной формы, в котором было, не считая моего входа, ещё два других выхода, располагающиеся в каждом углу этой странной геометрической фигуры. Неожиданно из одного дверного проёма в комнату выкатилось жёлтое пятнышко, и моментально к нему навстречу, но уже с противоположной двери, выскочили множество взбалмошных и непоседливых белых хвостиков, суетливо стремившихся к странному солнцу. Когда же один из них всё-таки достиг «желтопузика», окружение замерло, и яркая вспышка ослепила меня, затягивая в самый центр событий. И я, слившись с теми двумя во-

едино, положила начало непостижимому для моего разума чуду под названием «Новая жизнь». Я стала душой ребёнка, который только-только зародился в животе у своей мамы. Конечно, я тоже была ребёнком и развивалась аналогично, только сейчас я нахожусь в сознании и здравом уме, способная видеть и чувствовать всё наяву. У меня даже мыслей раньше не возникало в своей голове насчёт того, что может чувствовать ещё не рождённое кем-то дитя. А как оказалось, оно чувствует и чувствует слишком много.

Первоначальные ощущения вполне даже приемлемы. Мне тепло, комфортно и сытно. Хотя я пока и представляю собой головастика, но я полностью счастлива. Я защищена, укрыта и спрятана. Пока я тайный агент в здании этой организации под названием «Мама», но, несмотря на это, я всё-таки счастлива. У меня формируются нервная система и сердце, от стука которого я повиливаю своим хвостиком, потому что ничего другого у меня пока нет.

Довольно быстро у меня начинают формироваться ручки и ножки. О, видели бы вы мои крохотные пальчики! Меня просто переполняют чувства восторга и эйфории. Моя новая мама будет вне себя от радости, когда увидит меня. Какое же я всё-таки чудо!

Мысли о новой маме навяли в моей голове чуждые мне прежде тяжёлые думы о родной своей Маме. Мой последний разговор с ней не был милой беседой матери с дочерью. Я всегда перечила ей, словно пытаюсь показать свой колючий характер или значимость монстра, сидящего где-то внутри. Но для чего и зачем? Мама и без меня знала всё о монстрах тем более таких нелепых, как я. Всю свою жизнь она боролась со мной, не давая своему монстру выбраться из позволенной зоны. Какая же я всё-таки непутёвая дочь! Когда вернусь обратно, то непременно попрошу у Мамы прощения и постараюсь её больше не огорчать.

Невольно, полёживая в чужом животе, вспоминаю Мамины рассказы о том, как я появилась на свет. Теперь я с замиранием сердца прокручиваю каждое словечко, сказанное моей Мамой. Помню, как Мама говорила, что не поверила тому факту, что оказалась беременной. Но ужасающе растущий аппетит и не по дням увеличивающийся живот быстро констатировал всем её необычное положение. Дядя Эрик говорил, что им нелегко пришлось потакать капризам Мамы, находясь почти в обморочном состоянии, потому что я высасывала почти все соки из неё, практически ничего не оставляя для них. Но все они были просто без ума от радости, когда я в ночь на двадцать девятое февраля наконец-то появилась на свет. Потное мамино землисто-зелёное тело контрастировало с блестящими от радости шоколадного цвета глазами, когда над нашей усадьбой раздался мой бешеный детский вопль.

Надеюсь, моя новая мама будет такой же счастливой, когда услышит меня. О нет, я уверена в этом!

Прошло несколько месяцев. У меня начали формироваться внутренние органы и странная штука, похожая на пузырь, при помощи которой я подключилась напрямую к маминому телу. Теперь моя мама будет ещё ближе ко мне, ну, или я к ней, что в принципе одно и то же. Но, когда весь процесс был практически завершён, я неожиданно начинаю испытывать вовсе не те ощущения, какие себе намечтала. Странный привкус в крови моментально вызвал во мне отвращение. Мне потребовалось совсем немного времени на то, чтобы понять из-за чего весь сыр-бор. Это никотин и алкоголь, и даже не какое-нибудь элитное, в сущности, такое же вредное, а обычное дешёвое пойло. Вот тебе и безграничное счастье!

Который месяц уже подряд в крови моей мамы преобладают подобные вещества и ароматы. Я, на удивление, ещё развиваюсь, хотя немного и отстаю по развитию, но в принципе ещё довольно здорова, только теперь я не представляю себе уже жизни без этих зловонных примесей.

Недавно моя однообразная жизнь в животе у этой мамы, если её вообще можно так ещё называть, приобрела совсем новый оттенок. День начался, как и прежде, с внушительной дозы алкоголя и сигарет, только к вечеру появились ужасные шумные звуки, которые с недавних пор я начала распознавать более или менее отчётливо. Впервые, услышав голос моей мамы, я не на шутку испугалась. Шумящие и хрипящие согласные и постоянный кашель кого угодно, наверно, выбьют из колеи. Но потом я привыкла и даже полюбила этот специфический голосок, ведь источником этого звука был не кто иной, как моя мама, которую я продолжаю любить, несмотря ни на что!

Сегодня её хриплый голосок был слишком напряжён и прерывист. Она нервничала, а её нестабильное состояние ментально передавалось и мне. Мама была не одна, она с кем-то оживлённо беседовала. Я пожала плечами, удивляясь тому, что она до сих пор ещё не говорила со мной, а я бы хотела знать, что она ко мне чувствует.

Довольно милая на первый взгляд беседа вскоре сменилась буйными выкриками. Кричали все: и женщины, и мужчины!

– Это твой ребёнок! Пускай я пью не меньше твоего, но при этом всегда помню о том, с кем и когда я переспала. Я на все сто процентов уверена в том, что это именно твой ребёнок! – из сумбура пьяных кричащих голосов я еле-еле разобрала мамин голос.

Я почему-то обрадовалась, осознавая, что мама в данный момент обращалась к отцу, который находится рядом. Может быть, теперь моя мама будет лучше питаться и меньше пить. Надеюсь, папа её образумит, и у нас будет настоящая, крепкая и любящая семья.

– Знаешь, если это и правда мой выродок, то я сейчас быстро исправлю своё положение, – произнёс папа, и я на мгновение подумала, что сейчас он разгонит толпу и уложить маму немедленно спать, но отчётливый удар по животу, остановил ход моих мыслей.

Я не успела увернуться, но пузырь, в котором я обитала, уменьшил силу удара. Во второй раз я была начеку и перемещалась по пузырю, как опытный боксёр на ринге. Я уже перестала считать многочисленные удары отца и просто молилась о том, чтобы он когда-нибудь прекратил это издевательство надо мной и моей мамочкой. Когда я в очередной раз уклонялась, я заметила, что мой пузырь начал отслаиваться от мамы и потекла кровь. Я почувствовала, что мама упала, сжимая живот. Она кричала, а я своими ручонками изнутри пыталась приклеить пузырь обратно на место. Какой же ужас я испытала! Ведь я ещё маленькая, мне рано рождаться. Хорошо, что служба спасения приехала, на удивление, быстро, и врачам удалось остановить отделение пузыря.

Несмотря на весь этот хаос, произошедший со мной, я была рада тому, что мама уже две недели как трезвая. Мы нормально питаемся и хорошо спим. Ещё чуть-чуть и я появлюсь на этот свет, чтобы сделать жизнь моей мамы более радостной и наполненной, наполненной счастьем, а самое главное, смыслом, и всё у нас с ней будет хорошо – я в этом уверена!

Я немного огорчилась, когда нас выписали. Думая всерьёз, что мы пролежим в больнице до родов, я была слишком обескуражена, когда вернулась с мамой домой. Ещё больше я была удивлена тому, что моя мама совсем не пила никого спиртного. Наверное, она образумилась и теперь всерьёз готовится к моему появлению. Ох, мамочка, я так за нас рада!

Наконец-то пришёл назначенный радостный час, и мой пузырь, в котором я жила так долго, лопнул, выпуская окружающую меня липкую слегка зеленоватую жидкость. Я почувствовала, как мама, схватившись за свой живот, куда-то побежала. Наверно, торопится в родильное отделение, чтобы увидеть свою милую доченьку. Мамочка, я тоже вся трепещу в ожидании нашей встречи с тобой, предвкушая момент, когда первый раз в своей жизни я испробую на себе твои прикосновения и объятия.

– Тише, мама, не спеши. Я подожду! – подумала я, сама сгорая от нетерпения увидеть её лицо и загадочный мир.

Мама остановилась. Наверное, она уже находится в палате роддома, только голосов никаких я больше не слышу. Может, это из-за прохудившегося моего пузыря. Ну да ладно, я иду к тебе мама. Ещё немного и мы будем с тобою вместе.

Я со своей неуёмной силой жизни начала выбираться наружу. Я слышала, как от боли кричит моя мама.

– Потерпи, моя мамочка! Я уже скоро. Скоро боли не будет, будет лишь безграничное счастье! – шептала я себе и ей в надежде, что она меня всё-таки слышит.

Наконец-то я увидела свет, яркий солнечный свет и голубое безоблачное небо. Но почему? Наверно, мама не смогла добежать до больницы, и ей пришлось рожать где-то в дороге. Хорошо, что

я постаралась и выбралась из животика так быстро, насколько это было возможным.

Вскоре я упала своей мокрой чересчур ещё нежной спинкой на сухую, пыльную и измятую маминым телом траву. Она была мягкая, но холодная. Я закричала в ожидании того, что так мама скорее возьмёт меня в свои руки и прижмёт к сердцу, заключая в крепкие надёжные материнские объятия, подарив при этом первый поцелуй в лобик.

Неожиданно появившееся передо мной лицо матери вызвало во мне бурю эмоций: от первоначального страха до дикой радости. Мама же смотрела на меня без эмоций: ни улыбки, ни слёз – абсолютно ничего выражало и не нагружало её слишком запитое, но такое родное мне лицо. Я замолчала, не зная, как передать ей свою недетскую уверенность в завтрашнем дне, но мама опередила меня, произнося короткое, но такое ёмкое слово «прости», и, занеся руку над головой, ударила меня по голове, лежащим неподалёку небольшим неотёсаным камнем. Кровь брызнула из детского неокрепшего черепа, попадая ей на безобразное от пьянки лицо, которое было прекрасно по сравнению с её почерневшей мёртвой душой.

– Мама, мама, мамочка, что же ты наделала? Я ведь так любила тебя, ни секунды не сомневаясь в том, что мы бы смогли найти любой выход из ситуации, какой бы сложной она ни была, но ты предала меня, ты бросила моё бездыханное тело умирать под кустом. Как же ты смогла, как ты посмела сотворить со мной такое? – произнесла я, вот-вот покидая своё новое тело.

Я почему-то так любила эту горе-мать, но не любила свою идеальную Маму, которая всегда спасала и оберегала меня. Она

ночами сидела у моей детской кроватки, отгоняя мои самые страшные кошмары, свойственные каждому этапу моей нарастающей силы. Теперь я уверена в том, что она без всяких на то сомнений была мне Мамой, моей настоящей Матерью, которую, к сожалению, я не ценила. И я на последнем издыхании, видя, как псевдомاما идёт по просёлочной дороге, удаляясь от моего уже мёртвого тельца, заставляю её сердце остановиться, и она падает замертво, а я с улыбкой в душе покидаю этот чёртов мир первой уготованной мне двери.

Я очнулась посередине округлой комнаты на пушистом маленьком коврикe. Вся скрюченная от боли и внутренних терзаний, которые я недавно прожила, пропуская через собственную душу. Мне было так больно, как я даже вообразить не могла бы в своём самом страшном кошмаре. Боль физическая после телепортации сквозь странную дверь и жестокого обращения моей матери была ничем по сравнению с душевной болью, полученной от удара по голове от женщины, которую я любила большего всего на свете, даже больше, чем свою настоящую Маму. После осознания этого факта боль становилась ещё сильнее, словно выковыривая из меня гниль, которой, оказывается, я была набита сполна. Мягкий пушистый кремовый коврик был буквально залит кровью, которая сочилась буквально отовсюду: из разбитого камнем виска, изо рта, из глаз и из кончиков пальцев. Неожиданно я почувствовала хлопок по спине и чьё-то странное на ощупь поглаживание. Я вздрогнула и резко открыла свои опухшие от кровавых потоков глаза.

– Я смотрю, тяжело тебе дался опыт первой загадочной двери, – прошептал Лорд, слегка облизывая свою верхнюю губу и нежно поглаживая меня по спине.

– Знаешь, бывало и лучше! – дёрнула лопаткой я, сбрасывая его холодную липкую руку, а потом добавила, – просто, наверное, не мой день!

– Вот как! – произнёс Лорд, облизывая свою одёрнутую руку в местах, где его пальцы были испачканы моей пылающей кровью. – Какой аромат, невозможно даже оторваться!

От отвращения я резво встаю, но еле-еле держусь на ногах. Слабость и озноб парализуют моё окровавленное тело, дышать тяжело, а передвигаться тем более, но я, собрав все свои силы в кулак, двигаюсь, кое-как перебирая ногами к двери номер два.

– Давай продолжим! Хочу поскорее вернуться домой, – сказала я, не поднимая своих стыдливых нефритовых глаз. – Впервые за всю свою жизнь я хочу извиниться и обнять свою Мамочку!

– Это похвально! Мне нравится то, что уже из такого ничтожного опыта ты начала извлекать самое главное, хотя и нарушила многое, но об этом поговорим позже, когда кончатся все твои испытания.

– Тогда не будем медлить, а начнём новую битву! – с внутренней постоянно растущей гордостью за себя выпалила в ответ ему я.

– Непременно начнём, моя дорогая, только нанесём на тебя следы твоего первого путешествия, – произнёс Лорд слова, которые никак не отразились в моём сознании, пока не стали выпячиваться наружу, констатируя своё появление.

Не успев даже дойти до второй дубовой двери, я падаю на колени, испытывая острую боль. В том самом месте на моей голове, куда псевдомать нанесла удар камнем младенцу, вырос огромный десятисантиметровый костный шип с отвратительными на-

ростами у основания. Кисти рук и ступни обоих ног покрылись чешуёй болотного цвета, которая отвратительно пахла и нескончаемо мокла так, что слизь от неё каплями падала на шлифованный глянцевый пол. Я попыталась содрать несколько чешуек с руки, но на их месте моментально образовывались несуразной формы костные небольшие наросты, чем делали ещё более неприглядным мой теперешний облик.

– Что за чёрт? Что ты со мной сотворил, – закричала я, очутившись от нестерпимой по уровню боли.

– Всё то, что ты сама с собой сделала, Наоми. – Лорд покачал головой. – Это лишь плата за содеянное и не более. Никакой самодеятельности и энтузиазма с моей стороны!

– Мой внешний вид теперь выглядит более чем ужасно! – не сбавляя крик, выпаливала я фразу за фразой, – исправь это, я не такая!

– Разве? – Лорд прислонился спиной ко второй двери. – А по-моему, это именно ты! Зло решило вылезти наружу! Ты очищаешь душу, выпуская, прямо скажем, освобождая своё зло, которое занимает любое подвластное ему место, в данном случае, оно отыгрывается на твоём внешнем облике. И это ужасно, но поспорить или изменить всё равно ничего не могу, так что прими это просто как данность!

– Данность? – от ужаса я закрыла свой рот руками, боясь ещё что-то ему высказать. Хотя в душе я с ним соглашалась. Зло, спящее у меня внутри, было огромно. Теперь я знаю, с чем так усердно боролась моя Мать. Теперь-то я ей не завидую, хотя поначалу я мечтала о подобной уготованной мне судьбе. Прости, Мама, я была совсем не права. Но гордость и несломленный вну-

тренный дух не дают мне возможности выказать Лорду всю бурю, разыгравшуюся на просторах моей потемневшей души, поэтому я, лишь сглотнув от напряжения, произношу все слова слишком отрывисто, в общем, делаю так, как только могу. – Надеюсь, после окончания моего псевдотурне всё это исчезнет, – я дотронулась до ужасного шипа на виске и нервно сглотнула. – Может, отойдешь от двери, чтобы я продолжила вновь испытывать уготованные мне кем-то мучения!

Глава 3

ДВЕРЬ ВТОРАЯ – «ТОЧНЫЙ УДАР»

Судьбой я шансом награждён,
Дарами жизни так пленён,
Но вмиг меняется мой бриз,
Как ветром насланный каприз.

Наоми Томпсон-Саммерс

На вид дверь под номером два такая же огромная и выполнена аналогично первой из тёмного дерева. Единственное, что их и отличало, так это латунная ручка, которая во втором случае была представлена боксёрскими перчатками, свисающими с одинокого крючка одежной вешалки. Я кое-как, преодолевая сильнейшую боль по всему телу, подошла к этой деревянной грани, отделяющей меня от грядущих и без сомнения мучительных испытаний, но, закрыв глаза и наслаждаясь глубоким очистительным вдохом, всё-таки дотронулась до холодного блестящего позолотой металла.

– Ну, будь, что будет! – произнесла я и повернула ручку.

Дверь распахнулась, а я без капли малейшего сопротивления погрузилась в мутные воды второго затяжного плавания. На этот раз пространство было не таким агрессивным, как в первом случае, и напоминало скорее мягкую грязную вату, поэтому я достаточно быстро прошла сквозь неё, очутившись в новом непредсказуемом мире.

Внезапно открываю глаза, которые, если честно, с трудом поддаются на мои мышечные позывы, и сразу натыкаюсь на ку-

польный потолок и десятки светильников, затем опускаю свой взгляд чуть ниже, и моему взору открываются цветные канаты ограждения ринга, определяя моё нынешнее местоположение. Мужчина в полосатой рубашке лежит рядом и бьёт ладонью о пол ринга, что-то отсчитывая.

– Один, два, – произносит он звонким командным тоном.

Я резко вскакиваю на ноги и, не успев даже себя обсмотреть, свожу автоматически вместе свои одетые в красные кожаные перчатки мускулистые руки.

– Со мной всё в порядке, в порядке! – кричу я.

– Бокс, – коротко, но слишком ёмко произносит судья.

Мы сходимся на ближней дистанции, голова слегка кружится, но по-прежнему ясная. С каждой секундой силы в руках становится всё больше и больше. Мой противник в хорошей физической форме, судя по удару, которым он недавно меня наградил. Хотя, в общем-то, по его разбитой физиономии об этом не скажешь. Наверное, парень пропустил ударчик, когда моя душа вселилась в его спортивное тело. Подпускаю его ещё ближе к себе, пусть думает, что мои силы на грани, и с лёгкостью наношу хук с ближней руки. Кулак моментально достигает уголка челюсти противника, и он без каких-либо шансов падает в нокаут, лишаясь первичных признаков жизни. Судья моментально останавливает бой, а я торжествующе поднимаю руки вверх, празднуя свою первую победу. А парень, в которого я неожиданно для себя переместилась, кажется, очень и очень неплох в боксе, судя по силе искусно выполненного нокаутирующего левого хука. Толпа болельщиков воет от радости, а я, заряженная их энергией, ликую изнутри, и мне определённо нравятся эти совершенно новые для меня ощущения.

После боя разглядываю свой новенький пояс и слегка подбитый противником фейс. А я, оказывается, вполне ничего. Судя по внешнему виду, мне не больше двадцати пяти лет и я симпатичный блондин, если так можно выразиться, глядя на мой слегка искривлённый нос и опухшую скулу.

Я не слишком-то быстро покидаю комнату, погружаясь в кишащее болото фанатов. Они меня не особо радуют, когда вторгаются в моё личное пространство, обнимая и поздравляя меня. Но один крик, отчётливо звучащий для меня из толпы, мне особенно приятен.

– Стив! Ты, как всегда, просто великолепен! Нисколько не сомневалась в твоей очередной и, надеюсь, не последней победе! – произносит девушка перед стремительным поцелуем.

– Сегодня, малыш, я и тебя нокаутирую в своей тёплой постели, – выпаливаю я, впиваясь рукой в её слишком холёную попку.

– Только не делай это так же быстро, как в своём чемпионском бою, – со смехом произнесла девушка и, слегка отстранившись, взяла меня за руку.

Прежде, чем покинуть здание победной для меня арены, мы толпимся в рядах спонсоров и организаторов и наконец, спустя какую-то пару часов, вместе с подружкой выходим на прохладный ночной проспект, ослепляемые лучами неоновой уличной рекламы.

– Воздух, наконец-то свежий прохладный воздух и тишина! – с наслаждением произношу я. – Ты не будешь против того, что мы пройдемся до дому пешком, а водитель пригонит машину?

– Как пожелаешь, сегодня я не смею тебе перечить ни в

чём, – сладко щебечет моя пассия, нежно целуя меня в правую щёку.

– Сегодня ты будешь покладистая, моя маленькая тигрица?
– приобняв свою девушку за талию, отвечаю ей моментально.

– Да, – смеётся она, – сегодня ты это, как никогда, заслужил!

Прогуливаясь вдоль ночной набережной, которая сейчас была слишком погружена в темноту и овевана мягким прибрежным успокаивающим воздухом, волей-неволей задумываешься о том, что всего каких-то пару часов назад эта улица была такой многолюдной, что невозможно было даже протолкнуться. Торговцы, туристы, уличные музыканты и актёры кишели среди многообразных по форме и содержанию ларьков и киосков, мило соседствующих со сдержанного вида небоскрёбами, в которых господствует холодный металл и стекло. Простота и сдержанность, участливость и отрешённость – всё переплелось в воздухе каменной мостовой лучшей на всём северо-западе набережной.

Неожиданно вспыхнувшее в голове и душе чувство заставляет меня пойти на вовсе несвойственный моей натуре поступок, с утра о котором я даже и думать не мог. Хотя это и неудивительно, ведь с утра все мои мысли были заняты боксом, настраивая меня на победу.

– Милая Энджи! – произношу я, запрыгнув на бетонные перила мостовой, слегка касаясь округлых светильников, установленных на расстоянии десяти метров друг от друга и озаряющих набережную нежно голубым светом. – Мы вместе с тобой уже почти год, я с тобой счастлив и умиротворён, ты понимаешь меня, как никто другой, поэтому, принимая на себя всю ответ-

ственность и взвесив все за и против, с лёгкостью на сердце и радостной негой в душе прошу тебя стать моей женой. Обещать простоты в отношениях я в принципе не могу, но любить тебя я клянусь вечно!

– О, Стив! – по щеке Энджи прокатилась огромная одинокая слезинка, а улыбка слегка коснулась её припухшего от ботокса рта, который чуть-чуть приоткрывшись, выпустил короткое «да».

Я спрыгиваю к ней, закрепляя наши слова уверенным, но чувственным поцелуем. На душе становится ещё легче и спокойнее, словно будущее стало для меня понятно и читаемо, и ничто уже не сможет меня сбить с ног, свалив на грязную неплодородную почву.

Остаток пути мы проходим в обнимку, но в полном молчании, словно все вопросы заданы, а ответы на них в одночасье получены. Тишина и тёплый ветерок, дующий с моря, обволакивал наши тела, погружая в очищающую безмятежность. Нежные и застенчивые блики луны играли в салки с золотистыми волосами Энджи, мягко подсвечивая их. И даже наши дыхания были синхронизированы друг с другом и ветерком, дышащим прохладой и мнимой свободой.

Подойдя к одному из царапающих небо домов, в котором я стал жить после первой своей значимой победы, мы увидели небольшое скопление прессы. Никаких заявлений я делать сейчас не собирался просто потому, что не хотел разрушать созданную мною же слишком красивую, подобную сказке, хрустальную идиллию.

– Энджи, давай зайдём в дом с тыльной стороны через гараж и поднимемся спокойно на лифте? – как бы спрашивая, про-

изнёс я, до конца не пребывая в полной уверенности, что она поддерживает эту идею.

– Ты прав! – спокойно и уверенно произнесла Энджи, – сегодня я не хочу делиться своим счастьем ни с кем!

Мы огибаем стеклянно-металлический небоскрёб и проникаем внутрь, одиноко спускаясь в гараж. Многочисленные камеры и несколько охранников у самого входа подчёркивают статусность здания и феномен персон, проживающих здесь. Я киваю головой, здороваясь с ними в немом, но учтивом и уважительном жесте, слегка подмигивая левым не слишком опухшим глазом. В гараже тишина, мой серебристый «Макларен» стоит уже на своём месте, соседствуя ещё с парочкой агрессивных недетских игрушек. Я останавливаюсь ненадолго, оглядывая свой автомобильный отсек, думая, что придётся ещё немного увеличить его ради машинки своей девочки и какого-нибудь комфортабельного семейного авто. Погружённый в мужские мечтания я теряю из вида Энджи, которая и выдёргивает меня, словно забитый гвоздь из доски, из этого странного, но приятного состояния своим скрипящим вовсе не характерным для Энджи голосом.

Я поворачиваюсь в сторону лифта и вижу, как мой лучший водитель, охранник и друг в едином обличье сжимает худенькое тело Энджи, плотно приставив к её горлу огромный охотничий нож.

Испуг – это всё, что поначалу почувствовал я. Тело стало как ватное, а ноги слегка подкосились. Курьёзность и нелепость всей ситуации просто не давала мне покоя, заставляя все извилины мозга судорожно шевелиться. Я не мог никак себе объяснить и отыскать весомую причину происходящего. Майкл работал со

мной уже, как мне показалось, сто лет, я исправно и много ему платил, закрывая глаза на многие мелочи и невинные шалости. Ему не за что на меня злиться и жаловаться.

– Прости друг! Ты тут совсем ни при чём! – голос Майкла скрипит, выдавая свою неменяемость.

– Как раз и при чём! Энджи – моя невеста и будущая жена. Отпусти её, и я тебе помогу, – произношу я как можно мягче, чтобы внушить ему больше доверия.

– Ох, глупец, я спасаю тебя! Эта девка испортила всю мою жизнь! – кричал он как бешеный.

– Мы же были детьми! – смогла как-то выкрикнуть Энджи, поплатившись при этом целостностью своей нежной кожи на шее. Алая струйка проложила себе путь по удлинённой наклонном шее, обрамляя кремового цвета кардиган.

– Дети! Разве может ребёнок, унижить и растоптать человека, учась в пятом классе? Ты, Энджи, не ребёнок, ты – монстр! И я не позволю тебе счастливо жить, испортив при этом ещё одну душу!

Майкл ещё сильнее прижимает к горлу Энджи нож, увеличивая поток крови, который буквально заливает кардиган, скапывающая неистовой стружкой на холодный бетонный пол гаража. Не в силах больше терпеть это, я делаю выпад вперёд, нанося одной рукой слабый удар по лицу Майкла, а другой – выхватываю из его опущенных рук огромный уже окровавленный тесак. Энджи сгибается, хватаясь руками за горло. Я пытаюсь её приподнять, но падаю назад, получив увесистый удар рукояткой пистолета в висок. Майкл хватается Энджи за горло, пытаясь задушить, хотя мог просто застрелить нас обоих. В это время я вскакиваю, со-

бравшись с последними силами, и наношу ему отличный удар по корпусу, отшвыривая Энджи в ту же секунду в сторону лифта так сильно, что она ударяется головой о стену и падает. Теперь она находится именно в том месте, которое хорошо просматривается сразу несколькими камерами, а сам продолжаю находиться в невидимой зоне со своим мнимым другом и обидчиком. Я выбрасываю демонстративно нож и наношу одним за другим удары по его уже неузнаваемому от побоев лицу без малейшей возможности и желания остановиться. Я так зол на него, что просто не имею на это право, хотя в спорте меня учили совсем иным постулатам. Неожиданно меня с ног сбивает один из охранников, заваливая на землю, а два других, наваливаясь на меня, сковывают кое-как наручники за моей могучей спиной. Я кричу как дикий зверь, забыв об обо всём, что меня окружает, но постепенно всё-таки возвращаюсь обратно к существующей жизни.

– Помогите Энджи, он её порезал! – кричу я им, но они даже не обращают на меня никакого внимания.

Спустя какое-то время, я вижу огоньки камер сотрудников прессы, пытающихся прорваться сюда, но охрана действует слажено и моментально опускает гаражные входные ворота, отгораживаясь от всего насущного мира. Через каких-то пару минут они подходят к лежащей на полу Энджи, пытаюсь привести её в чувство.

– Мисс Смит, как вы? – пытается растормошить её охранник, но она только стонет, хотя и пытается встать. – Служба спасения уже в пути к нам, потерпите, пожалуйста.

– Энджи! – не вытерпев, я выкрикиваю её имя, но она, к моему удивлению, поворачивается ко мне испуганным каменным лицом полным непонимания и просто молчит.

– Кто вы и что мы вам сделали? За что вы напали на нас с Майклом? – каскад обвинительных вопросов зазвучал из её невинного ротика, который недавно ещё сказал мне короткое «да».

– Энджи, что ты несёшь? – кричал я, но вопросы всё сыпались и сыпались из её уст, рняя меня в самое сердце.

Я, не выдержав такого расклада, просто обмяк, впадая в обморочную безмятежность, но продолжаю следить за всем происходящим, словно выглядывая из-за прозрачной с моей стороны ширмы. Наблюдая за тем, как служба спасения увезла с собой Энджи, а охранники погрузили меня в тесный полицейский микроавтобус, отправляя ночевать в холодный сырой изолятор, мне было уже глубоко плевать на всё то, что со мной сейчас делают эти люди. Я просто ещё не мог осознать и принять, что всё это происходит именно со мной, а не с кем-то другим.

Месяцы пребывания в камере и тяжёлое запутанное расследование окончились страшным судом. Мой хрупкий мир рухнул! Всё, что я годами наживал и выстраивал, плавно исчезало, просачиваясь сквозь пальцы. Я терял всё: себя, карьеру профессионального боксёра, Энджи, будущую семью и, в общем-то, жизнь. Оказывается, жизнь взрослого мужчины может разрушиться всего лишь от маленькой детской и даже не твоей шалости.

Суд состоялся тридцать первого октября в половине второго. День был ужасный. Нескончаемый ливень и град размером с куриное яйцо освежил наш прибрежный городок своей сумбурной внезапностью. Энджи на судебном заседании не присутствовала. Она, оказывается, после моего спасительного бросания её к лифту сильно ударилась головой, и всё, что она теперь помнит, сводится к первым семнадцати годам её жизни, поэтому показа-

ния никакие она дать не смогла. Но я за это её не виню, я счастлив, что Энджи хотя бы жива и почти что здорова.

Поначалу я отрицал всё, полагаясь на записи камер, но они запечатлели совсем не то, что мне было нужно. Одна камера зафиксировала то, как мы с Энджи входили в гараж, другая – мою остановку напротив отсека с авто, третья – то, как я с ножом в руке толкаю Энджи в сторону лифта. Перечислять дальше нет смысла, потому что все записи демонстрируют меня не с лучшей стороны, хотя и оголяют неправду, но кому до этого дело. Может, Энджи когда-нибудь вспомнит всё это и освободит меня из тюрьмы государства и собственного затворничества. Я мечтаю об этом и смею надеяться, что это произойдёт быстрее, чем я сломаюсь от горя.

Кстати, на ноже найдут лишь мои отпечатки, Майкл умело работал в перчатках. Талантливый парень! Всё подстроил и срежиссировал так, что и комар носу не подточит, что говорить о простых смертных людях. А его речь на суде была просто божественна. Некий добрый отзывчивый мальчик, спасающий свою бывшую одноклассницу от боксёра-ревнивца, заподозрившего её в измене. Якобы между ними вспыхнули прежние школьные чувства, но Энджи, захотев сделать всё как можно честнее, рассказала мне обо всём и захотела уйти, а я, взбесившись, что какой-то водитель обыграл меня на этом поприще, ударил Энджи ножом. Хорошо, что Майкл поджидал свою любовь неподалёку и смог прийти ей на помощь, потому что, если бы не он, неизвестно чем бы всё это закончилось. Он плакал перед присяжными, говоря, что безумно расстроен, что Энджи не помнит об их заново вспыхнувшем романе, а только презирает его за школьную драму, про-

изошедшую с ними ещё в пятом классе, хотя и благодарна ему за спасение. Под конец заседания я уже просто молчал, зная, что все мои выкрики и слова просто бессмысленны – я не в силах ничего изменить!

Суд вынес мне за попытку убийства Энджи Смит и причинение средней степени тяжести вреда здоровью личному водителю Майклу Джонсу, считая при этом мою профессиональную карьеру боксёра отягчающим обстоятельством, весьма суровый приговор, который вылился, не глядя, в семнадцать лет тюрьмы строго режима. На вопрос судьи о том, считаю ли я себя виновным во всём случившемся и признаю ли я свою вину в этом, я ответил лишь гордым молчанием, потому что слова не имеют уже никакого значения.

Меня перевезли в стены нового казённого дома сразу же после приговора суда. Огромная тюрьма, базирующаяся на острове посередине бушующих волн, меня принимала не слишком радушно, но, а чего я, в принципе, мог ожидать – это же не отдых в Бали, к которому я так привык. Моя одиночная камера, но с двухъярусной почему-то кроватью должна была стать моей комнатой на семнадцать долгих лет, если, конечно, Энджи не вспомнит обо мне раньше. Я жил надеждой и верой, что это когда-нибудь произойдёт, пока в одно злополучное утро я не получил отпечатанную на компьютере записку без адреса и отправителя, которая и разрушила миф моей и без того слабой надежды:

«Милое солнышко, не старайся сильнее светить! Твоя гусеница уже не сможет превратиться в красивую бабочку и спасти тебя, чему я, если честно, несказанно рад. Если ты захочешь спустя семнадцать долгих мучительных лет всё же увидеть свою ба-

бочку, тебе придётся покинуть этот мир, потому что твоя бабочка сгорела в лучах моего, никого не щадящего, солнца!»

Я впервые плакал. Мне было больно за себя, за Энджи и за нашу мечту, которая не сможет исполниться теперь ни у одного из нас. И недолго думая, я начал рвать простынь на полоски, скручивая их в трубочки и связывая узлами. Грубая ткань впивалась в мои руки, оставляя глубокие, местами рваные, порезы, но мне было всё равно, я больше так не смогу, я не стану терпеть. Перекинув один конец верёвки через перила кровати второго яруса, я привязал другой её конец к своей шее. Потом, сидя на своей кровати внизу я связал себе ноги в согнутом положении, не давая им ни малейшего шанса выпрямиться и коснуться бетонного пола. Затем я натянул верёвку между шеей и спинкой кровати второго яруса и просто сполз с матраса собственной лежанки, падая на пол. И вися на расстоянии каких-то пяти сантиметров от пола, я задохнулся, отправляясь в другой, более счастливый для меня, мир.

Когда так мучительно и болезненно умер Стив, душа Наоми стала свободна. Облегчение от того, что не придётся терпеть семнадцать лет долгих страданий, заставило Наоми феерически метнуться из этого мира навстречу своим новым препятствиям, но вскоре обретенная свобода и небывалое счастье омрачились внезапно вспыхнувшей болью, буквально изрешетившей мою успокоившуюся хоть и на время ипостась. Просто и разом зазеркалье второй двери рухнуло, возвращая избитую душу Наоми в её не менее страдающее от всего этого тело. Испытание под номером два так же успешно было провалено, оказывается, далеко не всё находится в силах Наоми. Пора бы ей уже это понять!